

В. Г. Тельминов

**Реконструкция статей военного закона Г.С. Гракха
с применением методов микротекстуального анализа**

О военном законе Г. Гракха, дважды народного трибуна Римской Республики, сохранилось очень мало упоминаний. Мы решили обратиться к, возможно, единственному остающемуся в такой ситуации в распоряжении методу – микроконтекстному анализу или методу «новой оптики». В качестве непосредственного предмета реконструкции выступили гипотетически существовавшие статьи закона о введении выборности военных трибунов¹.

Метод «новой оптики (видения)» состоит в попытке наиболее точно и полно воссоздать смысл высказываний данного античного источника, исходя из его контекста, т.е. во-первых, окружения этого слова в данном тексте и, во-вторых, речевого узуса самого автора, из которого можно узнать, в каком смысле автор был склонен употреблять то или иное слово. Этот метод воспринят нами в том виде, в котором он представлен в трудах Т.Г. Мякина².

Очевидно, что этот метод позволяет выдвигать более обоснованные гипотезы и отстаивать их с наибольшей доказательной силой. Стоит заметить, что он является необходимой частью любого метода, применяемого для критики античных источников, так как тексты на древних языках³ можно с полной достоверностью анализировать, только устанавливая микроконтекст с целью точного знания смысла.

Изначально трибуны назначались консулом, но с IV в. следует отсчитывать историю демократической борьбы за выборность этой магистратуры. Характеристика сути должностных обязанностей военного трибуна важна нам в первую очередь для выяснения идеологического потенциала этой магистратуры, ведь если какая-либо из магистратур была второразрядной, то ни «внутри» нее, ни по поводу нее не могло бы происходить каких бы то ни было серьезных политических спо-

---

Тельминов Вячеслав Григорьевич, студент Новосибирского государственного университета.

Эл. почта: Telminov_88@mail.ru

¹ Первые результаты изучения нами этого закона изложены в статье «Военный закон Г. Гракха» (электронную версию статьи можно увидеть на сайте Института Истории СО РАН <http://history.nsc.ru/publ/1/html/telminov.htm>)

² Особенно важной для нашей темы является статья, в которой метод применен в исследовании идеологии гракханского законодательства. (Мякин Т.Г. Гракхи и народ (к идеологии гракханского движения) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. Т. 7. Вып. 1: История. Новосибирск, 2008).

³ Некоторые авторы не считают эти языки мертвыми («этот Великий Язык, который, даже «мертвый», почему-то оказывается «живее всех живых» в течение полутора тысячелетий» (Белов А.М. *Ars Grammatica*. Греко-Лат. Кабинет Ю.А. Шичалина. М., 2007), но факт остается фактом: интерпретация письменного языка без опоры на врожденное (или выученное) знание речевого узуса конкретной эпохи – это задача, решить которую можно только методом микроконтекстного анализа.

ров и пертурбаций о власти, влиянии, или о проведении каких-то далеко идущих реформ (с опорой на людей, состоящих в этой должности, или имея их в качестве целевой группы).

Заступая в должность с 1 января, военные трибуны служили в течение года ¹. В легионе было 6 трибунов, и во время войны командование над всем легионом получал один из них. Поэтому, по сути, эта должность не была коллегиальной, а, значит, военный трибун сосредотачивал в своих руках достаточно большую власть. Военные трибуны исполняли широкий круг обязанностей ². Обратим внимание на то, что им приходилось много общаться с солдатской массой, а, главное, отвечать за продовольствие, наказывать за правонарушения, принимать жалобы и т. д., то есть обеспечивать выполнение самых необходимых с точки зрения солдатской массы операций в войске. Интересно также, что люди в этой должности содержали ключи, караульную службу и были в курсе дел в палатке генералов. Военные трибуны назначали центурионов ³. У античных писателей они перечислялись всегда вместе с другими средними офицерами, то есть отдельно от высшего командования ⁴. Тем самым подчеркивается их тесная связь с низовыми структурами войска, несмотря на их высокий статус первых офицеров легиона. Несомненно, они играли большую роль, и в силу их медиаторской функции между высшим командованием и армией, а также в связи с исключительной ответственностью перед солдатами в повседневной жизни.

Во время Второй Пунической войны публично-правовая роль этого органа усилилась благодаря тому, что в 216 г. до н.э. впервые за всю историю военные трибуны привели воинов к присяге (*iusiurandum*); до этого времени воины давали лишь клятву (*sacramentum*). В.Н. Токмаков обращает внимание на четкое различие между этими двумя видами. Хотя обе клятвы были обетом поклонения полководцу, *iusiurandum* была связана с публично-правовыми нормами (*ius*) и регулировала взаимные обязательства солдат и государства, почему и приносилась трибунам как государственным служащим, а вторая (*sacramentum*), более ранняя, обрекала воинов на подчинение личным приказам военачальника ⁵.

Мы полагаем, что именно с этого времени военные трибуны получают дополнительную легитимность (через связанность с публично-правовой сферой жизни общины) благодаря введению присяги, так как перед трибунами она и приносилась.

Примерно в середине II в. до н.э. по неизвестным нам пока причинам магистратура военных трибунов утратила выборный характер.

---

¹ A Dictionary of Greek and Roman Antiquities (1890) (eds. William Smith, LLD, William Wayte, G. E. Marindin).

² D.49.16.12.2. (см. также: Adolf Berger. Encyclopedic dictionary of Roman law. Published by DIANE Publishing, 1953. P. 743).

³ См. *Madvig J.N.* Die Befehlshaber und das avancement in dem Romischen Heere // *Kleine philologische Schriften* By Johan Nikolai Madvig. Published by Teubner, 1875. S. 480–560.

⁴ *Ibidem.* S. 509.

⁵ *Токмаков В.Н.* Армия и государство в Риме: от эпохи царей до Пунических войн. Учебное пособие. М., 2007. С. 170–173.

Указания античных авторов относительно крайне популистского характера закона Г. Гракха¹, однако, расходятся с тем, что известные нам статьи не позволяют придавать ему такого значения. Это, и также использование множественного числа в упоминаниях о «военных законах» подводят к задаче восстановления остальных частей военного законодательства Г. Гракха.

Д. Стоктон в своей книге «Гракхи» высказывает предположение, что Г. Гракх восстановил обычай избрания трибунов первых 4 легионов². Свою гипотезу он основывает вполне достоверно на ряде источников³.

Как мы видим, проблема выборности военных трибунов была довольно острой. Г. Гракх, у которого была всеохватывающая программа преобразований, и который мыслил в стратегических категориях, а также стремился к наибольшей эффективности своих действий, активизировав почти все направления политики Рима и почти все коренные проблемные пункты государства в ходе своих реформ, не мог не обратить внимания на эту проблему.

Реконструкция идеологии военного закона Г. Гракха по сведениям традиции I в. до н.э.

По сообщениям об эволюции этой магистратуры в I в. до н.э. можно в какой-то мере судить о том, что содержалось в законодательстве Гракха. Соответственно, нами был рассмотрен ряд источников I в. до н.э., которые содержат в себе упоминания о военных трибунах, но интерпретация этих сообщений представляется явно проблематичной, в силу чего нами и была осуществлена попытка применения микроконтекстного анализа.

Первый источник – сообщение Д. Кассия о событиях 53 г. до н.э. Мы обратили внимание на следующие его слова, цитированные в статье В.В. Дементьевой⁴: «тогда в условиях беспорядков решили избрать хилярхов, которые некогда в прошлом избирались». Дементьева полагала, что имеются в виду консулярные трибуны V–IV вв. до н.э. Однако некоторые соображения по поводу этого источника позволяют высказать альтернативную гипотезу. Во-первых, нам кажется необоснованным понимать под словом *silicous* именно консулярный трибунал. Дело в том, что такая формулировка является достаточной, но не необходимой, чтобы видеть в ней указание именно на консулярных трибунов. Греческие авторы не различали два понятия (консулярного военного трибуна V–IV вв. и «обычного» военного трибуна). Анализ употребления этого слова у самого Д. Кассия привел нас к сходным выводам⁵. Что же заставляет нас предполагать возможность того, что под «хилярхами» понимались обычные военные трибуны?

Во-первых, особенность традиции избрания консулярных трибунов. Сам Д. Кассий, кроме указанного Дементьевой отрывка, не упоминает о консулярных трибунах. Сложно представить, что говоря о таком давно забытом явлении (к тому же в кон-

¹ См., например: *Plut. Tiberius et Gaius Gracchus*. 26, 1, 5.

² *Stokton D. Op. cit. Oxford, 1979. P. 236.*

³ *Ibidem.*

⁴ *Дементьева В.В. Причины введения должности консулярных трибунов в римскую конституцию. IUS ANTIQUUM. Древнее право. М., 2000. № 1 (6). С. 93.*

⁵ См., например: *Dio Cass, LXXV, 10, 2, 1.*

тексте рассказа о совсем другой эпохе) Д. Кассий ограничился бы туманной формулировкой «*wsper pote apodeiknuwntai*» (те, которые некогда были избраны), и не стал бы уточнять.

Вызывает сомнение сам факт обращения плебейских трибунов к такой архаичной должности в попытках то ли справиться с беспорядками, то ли разжечь их еще больше (в первой половине 53 г. до н.э. именно плебейские трибуны фактически блокировали возможность избрания высшей ординарной магистратуры, что и вызвало тяжелый политический кризис).

О политическом облике этих плебейских трибунов мы узнаем из следующих строк: «*ereidh t oudeis autwn ereisqh, diktatora goun ton Pomphion lecqhnai dein efaskon*»¹. Во-первых, они с большей вероятностью стали бы осуществлять вариант военной демократии (выраженный в роли войсковых, а не консулярных военных трибунов, так, «как они некогда были учреждены» – при Гракхе?). В таком случае предложение было бы намного более актуальным и действенным, а, главное, более бы соответствовало облику «буйных» трибунов 53 г. до н.э. Даже если имелись в виду полномочия военных консулярных трибунов образца V–IV вв., то все равно на первый план выходила бы их военная роль (следующим предложением было избрание диктатора, т.е. трибуны были заинтересованы, прежде всего, именно в военной власти. А если так, то традиция избрания консулярных трибунов вряд ли была главным источником их «вдохновения», так как в сообщениях о ней у античных авторов не заострена военно-диктаторская сущность должности, а, наоборот, упор сделан на коллегиальность магистратуры для более эффективного управления войсками (находящимися в разных местах государства).

Обратим внимание на то, что сразу же после «рогации» о замене консулов хилиархами поступило предложение об избрании Помпея диктатором. Очень уж контрастируют рогация об избрании на комициях коллегиальной магистратуры консулярных трибунов и предложение о назначении военной чрезвычайной единоличной власти. Можно предположить, что плебейские трибуны с самого начала стремились подтолкнуть народ к избранию единоличной военной власти, с перспективой встраивания в диктаторскую систему, т. е. предполагалась система выборных военачальников, слабо зависимых от Сената и от остальных государственных органов, лично ответственных перед генералом (или диктатором). В таком случае два предложения выглядят не противоречащими, но взаимодополняющими.

К тому же плебейские трибуны должны были быть хорошо знакомыми с римской плебейской идеологической традицией, заимствуя из нее доктрины политического устройства и политической борьбы. В условиях, когда в 53 г. до н.э. стала возникать угроза военного и гражданского противостояния Помпея и Цезаря, они должны были ставить ставку не на конституционные государственные структуры (в условиях гражданской войны они неэффективны и используются только лишь в качестве лозунгов), а на лояльность войск.

В «Галльской войне» Цезаря мы нашли необычную характеристику одного помпейянского внеочередного воинского набора. Цезарь говорит о сенатском ука-

---

¹ Dio Cass. XL, 45, 5, 2.

зе о приведении к присяге всего италийского населения¹. Причем он употребляет выражение *ut...coniurarent*. В ходе анализа выясняется, что для Цезаря данное словоупотребление неестественно, а, следовательно, в данном случае мы имеем дело не с обычной практикой принесения клятвы войскам, а с каким-то другим событийным (и текстовым) контекстом.

Понятие войсковой присяги, приносимой перед началом военной кампании (после набора) описывалось в древнеримской традиции следующими выражениями: *sacramentum dicere alicui*², *sacramento dicere*³, *adigere sacramento aliquos*. Чаще всего с этим словом употребляется глагол *adigere*. Для самого Цезаря характерно употребление глаголов «*dicere*»⁴ и, если имелось ввиду приведение к присяге, то *rogare*⁵, *tenere*⁶ и ряд других выражений⁷. Глагол, употребленный Цезарем, призван, как мы полагаем, подчеркнуть или незаконность этого набора, или же сомнительность обстоятельств, в условиях которых он проводился. Дело в том, что глагол *coniurare* употреблялся в данную эпоху в значении заговора, незаконной (по природе своей, будучи заговором) клятвы⁸. Причем это слово могло употребляться именно для обозначения клятвы с военными целями⁹.

У Цезаря встречается сходные примеры с этим глаголом в негативном смысле: *contra populum* с.¹⁰, также с причастиями от этого глагола¹¹. Итак, при каких обстоятельствах мог быть произведен явно незаконный набор, что нашло отражение у Цезаря? Обычная клятва (*sacramentum*, или *iusiurandum*) приносилась следующим образом: каждый военный трибун собирал подчиненный ему войска и, выбрав одного из солдат, принимал от него клятвенное обязательство в том, что тот будет подчиняться приказам генералов и исполнять их в точности. Все остальные по очереди подходили и выражали согласие с торжественно прочитанной первым солдатом клятвой (словами *idem in me*). До 216 г. до н.э. клятва называлась преимущественно *sacramentum*, и к этому понятию применялся глагол *coniurare*, но после реформы 216 г. она стала именоваться *iusiurandum*. *Coniuratio*, однако, продолжала существовать, и применялась в случае внезапных беспорядков, когда не было времени принимать клятву у каждого солдата индивидуально, и войска

¹ Caes. Gallic War. 7.1.

² Tac. A. 1, 28. (Charlton T. Lewis, Charles Short, A Latin Dictionary (на сайте www.perseus.tufts.edu).

³ Ливий Liv. 2, 24; 4, 53; 25, 5.

⁴ «*Dicere s. Cs*» (Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 2008. С. 679).

⁵ «*Quos consulis sacramento rogavisset*» (Cs, De Bello Gallico. A Dictionary of Greek and Roman Antiquities).

⁶ *Sacramento aliquem tenere ... sacramento tenere*: Caes. B. C. 2, 32. «*Sacramento quidem vos tenere qui potuit; ut eo neglecto sacramento, quo tenemini*» (Ibidem).

⁷ «*Ad signa convenire et ad se proficisci iuberet*».

⁸ Ливий IX 27, 1; VII 42, 3, 3.

⁹ (В значении клятвы войск, но в негативном см., например: «*agmina conjurata*» (Ov. M. 5, 150)). Ibidem.

¹⁰ Caes. B. G. 2, 3. (Charlton T. Lewis, An Elementary Latin Dictionary. Под статьей *con-iūrō āvī, ātus, āre*).

¹¹ *Conjūrātī, ōrum, m., conspirators*. (Caes. 17; 80; 82). (Ibidem).

клялись одновременно в один голос¹. Именно клятва придавала войскам законный статус². Определяющее значение для нас имеет тот факт, что нарушение традиционного способа клятвы означало бы в глазах Цезаря (да и любого другого римлянина) нарушение правильного хода обряда придания войскам легитимности. В таком случае он мог оправданно посчитать подобные войска простым сборищем вооруженных людей, разбойничьей шайкой³.

Какие же могли быть в таком случае нарушения в ходе набора войск Помпеем? Так как процедура принесения присяги была связана непосредственно с военными трибунами, то, как мы полагаем, нарушения произошли в первую очередь в отношении роли военных трибунов. Возможно, была изменена формула клятвы (чтобы сильнее мотивировать солдат на войну с Цезарем). В любом случае, имеет право на существование следующая гипотеза, хотя и не будучи неопровержимо подтвержденной: в данный период времени продолжала существовать традиция, вероятно, берущая начало от времени гракханской военной реформы, которая заключалась в признании за должностью военных трибунов определенного политического «потенциала», сохранившегося даже после реформ рубежа II–I вв. до н.э. (содержание которых устанавливается тоже гипотетически). Этот потенциал магистратуры выражался в том, что в ходе политической борьбы середины I в. до н.э. она упоминалась как в виде инициатив и предложений, так и в реальной политической практике, и в таком качестве, судя по всему, была зафиксирована Д. Кассием и Цезарем.

Заключение

То, что идеология гракханского законодательства была в отношении ряда его законов традиционалистской по своей форме, признается многими исследователями (несмотря на, возможно, «революционные замыслы», только так, под знаменем «консерватизма», можно было «раскачать» консервативную римскую политико-правовую систему). В отношении нашего закона это проявляется особенно четко: Гракх пытался вернуть армии традиционное крестьянское «лицо», обеспечив мелким собственникам, служившим в армии, минимум содержания (за счет сохранения жалования в полном объеме, без вычета стоимости снаряжения); реформатор также восстановил традиционный 17-летний призывной барьер⁴.

---

¹ Ibidem. В случае, описанном Цезарем, вряд ли могла иметь место спешка с принесением клятвы, да и Цезарь не стал бы заострять на этом внимание, так как и обычный и быстрый способы принесения клятвы были легитимными. Выражение *coniurare* у Цезаря несет слишком негативно коннотированное значение для того, чтобы быть простым уточнением особенностей процедуры.

² См.: Токмаков В.Н. Армия и государство в Риме. Также Charlton T. Lewis, *An Elementary Latin Dictionary*).

³ Принесение *sacramentum* придавала войску законный статус; теперь солдат мог использовать силу оружия против врагов, являясь «правильным», в отличие от разбойника или повстанца. (См.: Liv. VIII. 34. См. также: *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities* (1890).

⁴ «Гракх запретил набирать солдат младше ТРАДИЦИОННОГО (выделение – В. Т.) возраста 17 лет». (Ibidem. P. 112).

В таком случае возвращение выборности в отношении военных трибунов выглядит вполне традиционалистской акцией.

Но, как и во всех остальных аналогичных случаях традиционалистской формы, содержание и смысл не вполне укладывались в привычные рамки, и Гракх стремился добиться чего-то большего. Поиском этой общей цели заняты историки гракханского движения, и наличие таковой чаще всего не ставится ими под сомнение.

Какова же могла быть эта наиболее общая цель, если посмотреть на нее, используя перспективу военного закона?

Теперь ясно, что, хотя на братьев Гракхов и оказала свое влияние греческая политическая наука и ее выводы и идеи, они были склонны в большей степени руководствоваться римской политической традицией¹.

Но тогда на первый план должны были выйти не абстрактные политические принципы, а острейшие задачи, стоящие перед римским государством. По нашему мнению, одной из таких была проблема военной безопасности Рима и, следовательно, его армии и ее непосредственной базы – мелких собственников и держателей земли. Из-за восстаний рабов и тяжелой для Рима войны с Нуманцией эти проблемы должны были выйти на первый план, а сам реформатор был знаком с армией, так как служил в ней во время войны.

Иногда в анализе законодательства Г. Гракха исследователи склонны переносить центр тяжести на аграрное законодательство, видя его как самоцель гракханского движения². Однако имеет право на существование и следующая гипотеза, которая нам кажется вполне доказуемой: военное законодательство было направлено именно на усиление армии, а не на подавление бедности. Одной из главных, возможно, даже главнейшей, целью аграрного законодательства³ также было усиление боеспособности армии, опирающейся на римское крестьянство. Однако эта мера выглядела настолько революционной, что привлекла основное внимание современников. Сначала был предложен самый радикальный вариант решения проблемы (аграрный закон), но когда он уже фактически был на грани провала, брат и единомышленник Тиберия Г. Гракх начал искать новые варианты все того же прочного и уверенного, стратегического улучшения состояния армии (обеспечение землей колонистов, предоставление гражданских прав союзникам и, наконец, военный закон).

Другим важным компонентом был, возможно, упор на демократическую роль этой должности. Свои предположения по этому поводу мы основываем на том, что вполне традиционная мера восстановления выборности военных трибунов вызвала жесткий отзыв в источниках (цитируемых выше). Значит, военным три-

---

¹ См., например, статью: *Мякин Т.Г.* Гракхи и народ (к идеологии гракханского движения).

² Существует и критика такого подхода: например, Макей пишет, что главная проблема в том, что Тиберий Гракх хотел найти достаточно держателей земли, чтобы пополнить армию... ошибкой будет видеть помощь бедным как самоцель для Гракхов, это тенденциозный взгляд, под воздействием политических представлений Греческого мира. См: (*Christopher S.M.* Ancient Rome. P. 107).

³ Знаменитая речь Тиберия Гракха о солдатских лишениях и отсутствии должного вознаграждения говорит о важности этого пункта в аргументации Тиберием причин введения новых законов.

бунам была сообщена какая-то новая роль. В качестве гипотезы можно выдвинуть версию о том, что Г. Гракх стремился усилить связь солдат с трибуном, выдвинув элемент идеологии военной демократии, импонирующий бедным солдатам и в перспективе предоставляющий именно плебейским трибунам (или уже самому Гракху) возможность через военную структуру оказывать мощное влияние на все общество, в т. ч. в качестве простого силового инструмента.